

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕНДЕНЦИИ

Н.Б. Ильина

Современная Россия, несмотря на масштабность изменений в политической системе и экономических отношениях, до сих пор характеризуется многими аналитиками как в России, так и за рубежом как страна, как общество «переходного типа». Не в последнюю очередь это связано с «недооформленностью» ее политической системы и, как следствие, периодически возникающей актуализацией проблемы (реальной или мнимой) выбора между демократией и авторитаризмом. Начиная с 1991 г. эта проблема возникала по меньшей мере трижды: в 1993, 1996 и 2000 гг. (в год избрания В.В. Путина Президентом России).

Характерное для такого периода доминирование исполнительной власти над представительной, преобладание власти при ее концентрации в руках узкой группы лиц, а также слабое влияние политических партий на процесс принятия политических решений — это объясняет множество наименований российского политического режима, встречающихся в научной литературе: от недемократического, полудемократического до «электоральной авторитарии», «управляемой демократии» и пр.¹ Понятие «управляемая

демократия» весьма близко подходит к «электоральной демократии» Й. Шумпетера², легко увязывается с корпоративистской моделью государства. С одной стороны, оно признает наличие независимых секторов, групп интересов в обществе, хотя их число может быть ограничено, с другой стороны, в первую очередь в силу организованности этих групп, в том числе и созданных «сверху», упрощается конкурентный характер их взаимодействия. Государство при такой системе ведет диалог со своими «договорными» силами в обществе, остальные сегменты оттираются на задний план или вообще устраняются с политической арены³.

Если обратиться к истории развития государства как такового, то особенности его формирования и функционирования в России становятся более чем очевидными.

Как известно, родоначальником современной теории государства принято считать Т. Гоббса. Отрекаясь от утверждения Аристотеля о том, что человек от рождения есть существо политическое, т.е. по природе своей склонное к жизни в

«управляемость»? с какими изменениями сопряжено утверждение «управляемой демократии»? наконец, возможно ли существование такого «гибрида»? Представляется, что моноцентрическая конструкция свободна от таких противоречий. Она позволяет проследить за развертыванием новой политической системы из ее главного звена и непротиворечиво описывать, каким образом происходят изменения ключевых звеньев, игроков и свойств этой системы.

² Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.

³ Kmitilla M. State Theories: from Liberalism to the challenge of feminism. Toronto, 1987. P. 14.

¹ В отличие от «авторитаризма» термин «управляемая демократия» более адекватно описывает изменение в политической системе. Но при ближайшем рассмотрении выясняется, что этот термин представляет собой «оксюморон», т.е. подчеркнутое соединение двух в действительности несовместимых начал. Скорее всего, это полемический термин, окрашенный скрытой иронией. Его использование порождает множество вопросов, ответ на которые, судя по всему, не предусмотрен: правомерно ли употребление термина «демократия» в «связке» с термином

обществе, Гоббс разделяет философскую позицию Макиавелли, который первым акцентировал негативные стороны натуры человека, влекомого, по его мнению, в своих социальных поступках страстями, эгоизмом, честолюбием и выгодой. Центральным понятием, лежащим в основе аргументации о необходимости существования государства, становится у него власть или могущество, которое может быть двоякого рода — природное или инструментальное⁴. По его мнению, человеческая природа с наибольшей полнотой проявляется в естественном состоянии, догосударственном, не подверженном давлению морали и законов. (Или: когда роль государства сводится к минимуму.) Естественное состояние — некая аналогия того состояния, когда человеку теоретически «все позволено». Основным содержанием естественного состояния становится война всех против всех⁵. Таким образом, ясно, что естественный закон не может обеспечить безопасность и мир — и только государство, по мысли Гоббса, единственное образование, которое может создать цивилизованное состояние общества, когда люди добровольно отказываются от своих прав в пользу одного лица или ассамблеи — путем заключения общественно-государственного договора.

Дальнейшее осмысление понятия государства в западной мысли идет по пути сужения этого понятия. В работах, следующих за трудами Гоббса (Дж. Локк, Ж.Ж. Руссо), общественный договор, ставший в теории и философии политически общепризнанным концептом, рассматривался уже не как договор между людьми (как у Гоббса), а как договор между властью и людьми, гражданами, подданными. Таким образом, тенденция отождествления государства с органами политической власти закладывается в западной философии уже с конца XVII в.

Не менее интересны и взгляды Гегеля, в чьих трудах присутствует преемственность «этической» перспективы рассмотрения роли государства в обществе. Главной и высшей сферой этического существования в обществе для Гегеля являлось государство (помимо семьи, а также гражданского общества). Функцию же служения «общему благу», как он считал, был призван исполнять слой бюрократии, как особый государственный слой общества.

Усиление инструментального анализа государства в ущерб его этической оценке получает новый толчок в работах М. Вебера⁶. Его заслуга в развитии идей государственности состоит в том, что, анализируя социальное действие в рамках институционального подхода, он сконцентрировал внимание на проблемах власти и, в частности, бюрократии. Теории М. Вебера сегодня рассматриваются как основополагающие в учениях о государстве, особенно при анализе российских особенностей его развития. Главной сущностью государства для Вебера являлась возможность одних акторов использовать этот институт в своих целях, поскольку подобно всем другим формам власти государство выражает волевые властные отношения, или отношения господства. Бюрократическое государство — желанная цель всякого успешно функционирующего общества, являя собой логический результат общей тенденции любой политической организации — к рационализации. Интересно отметить его отношение к политическим партиям, которые, по его мнению, должны играть роль важнейших агентов воздействия на социальную жизнь и деятельность государства. Особую значимость он придавал парламентской системе политической организации, способствующей, по его мнению, росту рационализации и бюрократизации по-

⁴ Гоббс Т. Сочинения. М., 1991. Т. 2. С. 307.

⁵ См.: Гегель Г.В.Ф. Философия права // Гегель Г.В.Ф. Соч. Т. VII. М., 1934.

⁶ Вебер М. Политика как призвание и как профессия / Вебер М. Избр. произведения. М., 1990.

литического процесса — факторам, оцениваемым им исключительно в позитивной перспективе.

Описание Вебером специальной и привилегированной роли и функции бюрократии в управлении обществом для выработки основ социальной солидарности и интеграции дало мощный импульс для появления элитарных теорий государственности. Для авторов этих теорий (В. Парето, Г. Моску, Р. Михельс) характерно более глубокое погружение в человеческую природу, их кредо — история всех обществ есть борьба элит⁷.

Появление элитистских теорий свидетельствует о том, что инструментальный подход в изучении государства в современной политической науке сужается до рассмотрения в качестве ведущих факторов отдельных частей государственной организации. Плюрализм социальных групп, интересы которых постоянно сталкиваются во всех сферах, в том числе политической, требуют выработки компромиссов и соглашений, что и определяет специфику функции государства в плюралистических социальных сериях. Понятие государства отождествляется с понятием государственного правления. Само же правление, или государство, воспринимается как репрезентативное представительство совокупности дифференцированных социально-политических групп, имеющих существенный вес в обществе. Функция правления тогда предстает как стремление к достижению баланса интересов этих групп.

Главная же проблема философии государства — проблема порядка — трансформируется в проблему социального и политического контроля. Функция власти утяжеляется функцией контроля, поддержания равновесия между группа-

ми ради сохранения стабильности в обществе.

В плюралистических теориях государства инструментальный подход к его осмыслению, возможно, доходит до своего логического предела, поскольку государство в нем фактически нейтрализовано до такой степени, что оказывается полностью «выведенным из игры». Его роль по идее сводится к пассивному наблюдению за разворачивающимся на его глазах конфликтом сторон, так как любое его вмешательство может быть расценено как «подыгрывание» одной из сторон и как возможное нарушение достижения общего блага. Идея государства, таким образом, самоликвидируется, и общество возвращается в первозданный, но «цивилизованный» хаос, из которого исходили первые договорные теории западноевропейской политической мысли.

Сегодня, судя по пришедшим на смену теориям 50–60-х годов, да и более ранних периодов, теориям «социального государства», государство предстает как прежде всего механизм с набором четко обусловленных функций, в частности регулятивной (государство устанавливает правила для работы компаний, профсоюзов и пр.), защитной (государство защищает права людей), миротворческой, торговой (государство часто выступает как монопольный продавец или раздает заказы). Гражданское общество перестает рассматриваться как самостоятельная область: оно контролируется и часто направляется государством. В ведении государства оказываются транспорт, здравоохранение, образование, отдых, водоснабжение и другие услуги. Государство становится ответственным за все расширяющееся число задач, остается в рамках организации практически всех дел, бизнеса, но при этом не превращается в некую трансцендентную духовность.

Исследование проблем государственности привело политическую мысль к выделению в качестве приори-

⁷ Выделение указанных основополагающих элементов вытекает из логики исследований таких представителей западной философской мысли, как Г.В.Ф. Гегель, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Т. Парсонс, Ф. Тейлор, В. Парето и др.

тетных и остро обсуждаемых тем проблемы власти и бюрократии. В последние годы, когда особенно заметными стали негативные аспекты развития властных отношений в обществе и бюрократических структурах, на первое место вышли вопросы кризиса современного общества и управления.

Если рассматривать особенности российской государственности, то важнейшей из них на протяжении многих веков является централизм. Это — стержень, который обеспечивает консолидацию России как единого национально-государственного образования, задает системный строй, обусловленный особенностями географической среды, климата, природы, истории. Согласно концепции русского философа К. Леонтьева идея централизации для такой страны, как Россия, при ее огромных, необъятных пространствах, многонациональном составе, неодинаковых по климатическим и прочим условиям регионов — по сути, единственный способ существования. «Без признания идеи централизации нет лояльности русской государственности... Эта идея и сама по себе... спасительная для России, ею страна держится тысячелетия»⁸.

Такому типу государственности свойственны определенные издержки, такие как доминирование власти над народом, слабость гражданского общества, поздняя секуляризация культуры (по западным меркам) и пр. Централизм обеспечивал и обеспечивает стабильность и равновесие в России.

Исторически традиционному типу российской государственности свойственна и такая особенность, как национальная интерпретация понятия собственности. Как известно, существует два вида собственности: собственность — господство (лат. «*dominium*» и собственность — владение «*possessio*»). Первый тип собственности широко рас-

пространен на Западе и вытекает из либерально-индивидуалистической логики максимализации личного выбора. Эта концепция выводит все общественные явления из отношений индивида к индивиду. А государство в нем видится как один из индивидуумов. В такой теории всякое ограничение сверху воспринимается как печальная необходимость и несомненное правонарушение.

Вторая разновидность, хотя и предполагает неограниченное эксплуатирование занятых участков государственной земли, предусматривает сохранение собственности как *dominium* за государством. В России собственность всегда рассматривалась с точки зрения государства, которое призвано поддерживать целое как многоединство. «Понятие собственности строится не индивидуалистически, не из индивидуума, которому потом аналогизируется государство, но — политически, т.е. из симфонического целого, которое предстает как единство и утверждает всякое индивидуальное право»⁹.

Такая интерпретация собственности предполагает прежде всего обязанности, связанные с ее использованием, т.е. подчеркивает функциональное значение собственности. Одновременно это означает принципиальное признание государством своей обязанности охранять право индивидуального владения при условии выполнения связанных собственностью обязательств.

По моему мнению, особенности российской государственности в целом осознаются современным российским руководством, ибо еще в июле 2000 г. В. Путин, обозначая цели развития, сказал: «Без укрепления государства... нельзя решить ни одну общенациональную задачу...»¹⁰

⁹ Мир России — Евразия. М., 1995. С. 284.

¹⁰ Путин В.В. Выступление при представлении ежегодного Послания Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации. 8 июля 2000 г. С. 3—4.

⁸ Леонтьев К.Н. Восток, Россия и Славянство : в 2 т. М., 1985. Т. I. С. 167.

Но тем не менее следует учитывать и еще ряд факторов, определяющих формы и направления развития российского государства.

Разнообразие природных условий жизни передает и определенный тип экономики; в России, по удачному определению одного из современных теоретиков-экономистов О.Э. Бессоновой, с IX по XX в. сложился так называемый раздаточный тип экономики с внутренней нецелевой регуляцией¹¹. В ходе экономической эволюции человечество выработало два типа жизнеспособных экономических механизмов, в рамках которых возможна координация усилий больших сообществ: рыночный и раздаточный. Взаимодействие этих типов может приводить и к смешанному типу экономики, но какой-то будет доминировать. Поскольку в России возник и сложился именно раздаточный тип экономики, вряд ли российское государство сможет полностью отказаться от него, поскольку основные факторы, способствующие ее жизнеобеспечению, продолжают действовать: неразвитость внутренней торговли, например, обусловлена отсутствием дорог, низкой плотностью населения, огромными расстояниями и суровым климатом, в результате чего потеря на обмене превышает прибыль. Плюс к этому — огромное неравенство по своим природным и сырьевым ресурсам богатых и бедных регионов России. Выровнять в какой-то мере уровни жизни и благосостояния может только центральная власть в условиях новых политических и экономических вызовов.

Такой социальный организм, как традиционное государство, а именно Россия, обладает огромной устойчивостью и жизнеспособностью. Вместе с тем он имеет ограниченные возможности, прежде всего слабые внутренние импуль-

сы для динамичного развития. Поэтому при сравнении его с исторически более прогрессивным (по меркам проекта Модерн) либеральным типом государства, безусловно, возникает вопрос: как, в каких формах, как быстро возможна трансформация социального организма, основанного на одном, традиционном, типе государственности, в социальный организм, основанный на другом, либеральном, типе государственности в условиях стремительно развивающихся процессов глобализации?

Ведь классическое либеральное государство представляет собой полную противоположность традиционному государству. Это — наличие рынка, либеральной демократии с ее разделением ветвей власти, демократической процедурой и выборами вместе с избирательными ограничениями в виде цензов, автономного индивида с его естественными и неотчуждаемыми правами. Власть в классическом либеральном государстве принадлежит классу собственников, и потому государственная власть выступает в точном смысле слова политической надстройкой над экономической сферой жизни. Основное назначение либерально-демократического устройства государства в классическом смысле — создание максимально благоприятных условий для экономической деятельности частных собственников, для функционирования рыночных, товарно-денежных отношений, постепенно охватывающих все сферы общества, в том числе и политическую.

Мне представляется важным отметить также, что либерального типа государства, в отличие от традиционных, основаны не на приспособлении к своему природному ареалу, а на использовании **любых** природных ресурсов, рассматриваемых в качестве неограниченного источника сырья, для промышленной переработки и создания товарной массы для потребления. Постоянное наращивание товарной массы, динамичное раз-

¹¹ Бессонова О.Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск, 1999. С. 144.

витие экономики в целом предполагает и наличие идущего **извне** огромного потока природного сырья, продуктов, источников энергии. Рыночная экономика не может существовать без наличия нерыночной периферии. Для устойчивого существования Центра, метрополии, необходимы колониальная периферия и неэквивалентный обмен. В случае возникновения трудностей на помощь частному собственнику приходит государство — оно использует все возможности вплоть до открытой интервенции и войны для обеспечения непрерывности получения дешевого сырья и рабочей силы, для непрерывности процесса материального производства.

Сегодня в условиях нарастающей глобализации, надо признать, все страны ранжированы в соответствии с принадлежностью к тому или иному уровню технологической пирамиды, сложившейся в мире. Наверху — США, достигшие по многим параметрам стадии информационного общества, с некоторым отставанием от них — страны Западной Европы. На втором — развитом индустриальном — уровне технологической пирамиды находится целый ряд стран Европы, Юго-Восточной Азии. Третий же уровень занимают страны, экономика которых основана на экспорте природного сырья и энергоносителей.

Что касается России, то, находясь на сегодняшний день в переходном состоянии, она занимает место в конце второго уровня технологической пирамиды, и ей реально угрожает переход на третий уровень, если и дальше будет делаться упор на «сырьевой» характер экономики. Вопрос состоит в том, как и в какой форме придать российскому государству новые импульсы, повысить его жизнеспособность в связи с радикально меняющимися условиями его существования в современной цивилизации.

Менее всего этому условию удовлетворяет радикал-либеральная концепция смены типа российской государствен-

ности. В начале 90-х годов казалось, что полное разрушение существовавшей системы облегчит путь к новому либеральному порядку, но нарастание хаоса к концу 90-х годов и угроза полного распада РФ уже показывали: для державного государства с тысячелетней традицией нет необходимости отказываться от идеи самостоятельного национального пути развития даже в эпоху глобализации. И наглядным примером выступает, в частности, Китай, успешно осуществляющий грандиозную реформу общества, не отказываясь от Традиции с большой буквы.

В последнее время ряд отечественных исследователей выступили за позитивный синтез (условие) традиционных и либеральных элементов в государственном устройстве России¹². Это довольно сложно, поскольку, как констатируют исследователи, в оценке российской трансформации оказались неприменимы известные схемы разрыва со «старым порядком». Ведь переход России к демократии происходил не планомерно, а в значительной степени стихийно; к новым формам хозяйствования и властвования страна приобщалась не как целое, а фрагментарно, почти по принципу «кто смел, тот и съел». В результате сложились многообразные разрывы и диспропорции — между богатыми и бедными, столицами и регионами, старыми и молодыми, лидерами и подчиненными и т.д.¹³

В этой ситуации очевидно, что посткоммунистической и постсоветской России приходится решать **проблемы завершения модернизации**, актуальные для предшествовавшего исторического периода. Важнейшая, если не главная, в этом

¹² Буров В.Г. Китайский взгляд на государство в условиях глобализации. Кравченко И.И. Будущее мира и российской государственности. Шевченко В.Н. Глобализация и судьба российской государственности // Судьба государства в эпоху глобализации. М., 2005.

¹³ Демократия для России — Россия для демократии. М. : ИНФРАН, 2008. С. 56.

комплексе проблем — проблема национального государства. На нынешнем этапе российской трансформации проблематика «демократического транзита» все больше сливается с модернизационной. И явная неприменимость классических требований «демократического транзита» отнюдь не свидетельствует о неготовности к нему России. При этом надо отметить, что в готовности России к транзиту была определенная асимметрия: в культурном отношении готовность была больше, чем по состоянию социальной структуры, по тяготению к рыночной системе — больше, чем по готовности к политической демократии. Неравномерно распределялась и общая готовность к последней: исходная готовность к институту выборов и президентской системе была больше, чем к институту партий и парламентскому представительству¹⁴.

Сложнейшей проблемой для российского государства, в котором просыпается мощный инстинкт самосохранения, становится выявление способов, с помощью которых можно было бы встроить в традиционную модель российской государственности элементы либеральной модели, поставив задачу адекватно реагировать на внешние вызовы и угрозы как следствия современного этапа глобализации.

Среди важнейших принципов, способных обеспечить жизнеспособность новой или обновленной формы традиционного государства, самую значимую роль играет принцип сакральности государства, но не в религиозной трактовке, а в светской: в современных условиях предполагается, что общество и, прежде всего, правящая элита признает наличие у него особой миссии и роли в истории. А потребность в общенациональной идее, которая бы проистекала

из сакральной роли государства, существует, и российская власть осознает это и время от времени обращает внимание общества на необходимость поисков новой интерпретации национальной идеи. Хотя национальная идея и представляет собой некий социальный миф, органически присущий развитому традиционному обществу, он нужен большим державам, поскольку указывает на некое историческое предназначение государства, роль на мировой арене. А вера в это предназначение создает в обществе мощную социальную энергетику, придает обществу высокую жизнеспособность и целеустремленность, объединяя страну. И придумать ее искусственно невозможно — идея живет в культуре, в государственных традициях.

Сегодня перед российским государством стоит задача четко определиться в отношении своих общенациональных интересов — ведь на их основе формируются затем национальные цели, т.е. стратегия национального развития. Если национальные интересы и цели, стратегии и конкретные программы соответствуют содержанию мифа, он остается в массовом сознании, обогащаясь новыми деталями и подробностями.

В условиях становления новой государственности российская национальная идея не должна превращаться в аналог американской мечты, реальность которой — дом, машина, семья, солидное денежное богатство, в основе — идеология индивидуализма. Внутренняя составляющая российской ментальности, формировавшейся веками, все же связана с коллективной устремленностью к справедливости, материальному достатку для всех, а не индивидуальному успеху на фоне неудач других людей. Да и внешняя составляющая содержит указание на особую роль российского государства в многовековом стремлении русского народа служить всему человечеству. Американская же, в частности, исключительность выражена в афоризме «Град на холме», аме-

¹⁴ См.: Ильина Н.Б. Политические партии России: субъективный фактор становления и развития // Партии и партийные системы в современной России и послевоенной Германии. М. — Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2004. С. 186–202.

риканский народ представлен как «богом избранный народ». Американцы всерьез убеждены в том, что их страна призвана указать путь развития для всей остальной части мира. Это привносит своеобразие и в американскую внешнюю политику.

С падением советского строя Россия оказалась на обочине истории, в условиях нарастания взаимного отчуждения и конфронтации западного и незападного миров, двух типов культур. В прошлом Россия и ее культура всегда выступали связующим — не единственным, но значимым — звеном между Востоком и Западом, с разным успехом осуществляя некий синтез культур и общественных систем Запада и Востока. Восстановление роли России в новом витке взаимного узнавания и синтеза Запада и Востока могло бы стать важным фактором мотивированного воодушевления и энтузиазма для страны. Результаты глобализации обостряют проблему сохранения национальной индивидуальности.

Российское государство в результате реформ 90-х годов оказалось в группе государств — поставщиков для Запада сырьевых и других «колониальных» продуктов в виде энергоносителей, минеральных ресурсов и первично обработанного сырья — леса или проката металла. Для восстановления исторической роли России необходимы самодостаточность, способность к устойчивому существованию при необходимости реформ и развитию при опоре на свои внутренние силы, на богатство природного ареала обитания. Но сегодня даже при всем богатстве природной среды самодостаточность не решит проблем постиндустриального развития — на первое место в становлении единого глобального мира вышло производство информационных технологий. В России индустриальный потенциал наполовину разрушен, оставшийся стремительно устаревает.

В стране практически было разрушено единое экономическое пространство; свойственные традиционному государ-

ству принципы раздаточной экономики работать перестали, сырьевые регионы хотели жить, как на Западе, и были безразличны к соседним бедным регионам. Предоставленные сами себе, они были втянуты в региональные торгово-промышленные объединения с пограничными странами, а бывшие союзные республики эксплуатируются многими странами Запада. Процессы деиндустриализации, падение культуры и нравов, разрушение самых сложных рисунков социальной ткани общества, создававшихся столетиями, доминируют над процессами созидания в очень ограниченных размерах новых форм социального взаимодействия и общественных связей, главным образом в виде отдельных мегаполисов. Добавить к этому установление рыночных цен на транспорт в стране, занимающей одну седьмую часть мировой суши, — и задача сохранения единого экономического и социального пространства предстает не только экономической, но и политической проблемой.

Говоря о встраивании в новую форму традиционного государства либеральных элементов экономики, нужно предусматривать прежде всего выполнение крупными частными собственниками ответственных социальных функций, т.е. последние и в новых условиях должны продолжать проявлять общественно-служебный характер, способствовать реализации стратегических целей государства. Но олигархия и служение государству — вещи несовместимые практически.

В связи с таким пониманием социальной роли собственников важно, на мой взгляд, дать оценку пути, по которому идет трансформация созданной в стране в прошедшие десятилетия либеральной политической системы. Традиционный тип государственности, свойственный России, т.е. высокоцентрализованная власть, предполагает в любом случае ненужную борьбу политических партий за пост первого лица в государстве. И даже недопустимой, по-

скольку ведет к расколу общества¹⁵. А либерализм требует борьбы с непредсказуемым результатом. Две принципиально несовместимые по устройству политические системы проявляют себя на президентских выборах, и становится понятным возникновение извращенных форм политических институтов: их невозможно анализировать ни в рамках господствующей либеральной теории, ни в теории государства традиционного типа.

Принципы традиционного устройство российской государственности становятся доминирующими в реальной политической практике. Постепенно вынужденно трансформируются все без исключения появившиеся ранее в стране либеральные по замыслу институты. Под эгидой высшей власти формируются и находятся под контролем все важнейшие институты гражданского общества, прежде всего парламент, несмотря на весьма небольшой объем его полномочий. Но центральная власть должна была добиться за короткий срок контроля над деятельностью субъектов Федерации по ключевым вопросам с тем, чтобы пресечь наиболее опасные проявления сепаратизма в ряде регионов. Этой цели как раз и послужила идея назначения глав субъектов Федерации с последующим утверждением их местными законодательными собраниями. Хотя, по меткому выражению одного автора, жесткая вертикаль исполнительной власти в полноценной федерации по западному образцу (например, в Германии) — это «жареный лед».

Многопартийность в стране так и не обрела и не могла обрести должной значимости. В традиционном обществе нет экономически господствующего класса, поэтому не возникает партий для защиты экономических интересов. Хотя, безусловно, партии нужны, но для современного традиционного общества, видимо, в другом качестве. В современном российском обществе партии, формировавшиеся под конкретным лидером, становились

выразителями интересов профессиональных слоев общества.

В свое время Гегель говорил о трудностях становления правового государства. Он выдвинул идею корпорации как объединения, находящегося между индивидом и государством. В корпорации индивид учится отстаивать свои права, соединять личные интересы с интересами общества. Последующая история, особенно в XXI в., придала идее корпоративного государства негативный оттенок, но это не отменяет ее практической значимости, по крайней мере, для политической жизни современного российского государства.

Тенденция к обновленному традиционному типу российской государственности, скорее всего, невозможна без возвращения ему сильной социальной составляющей. Отход от классической схемы — первое лицо опирается на народ в своей борьбе против своекорыстия и произвола бояр, номенклатуры и пр. — поставил верховную власть в сложное положение. Проблема социальной справедливости часто преднамеренно интерпретируется как иждивенчество, что неверно, при этом потеря первым лицом поддержки тех, кто лишен сегодня социальной защиты в условиях рынка, может привести к потере легитимности. Отсюда вытекает и такая важная проблема, как патриотизм. Пока остаются неясными те высшие цели и ценности, на реализацию которых направляют свои силы государство и общество, мотивация защищать государство и родину сводится к нулю: солдат за деньги готов воевать, но не готов за святое дело.

Каковы же коридоры возможностей, создающиеся для России на современном этапе глобализации? С точки зрения автора, высокое историческое предназначение российского государства, принятие его властью и обществом порождает огромный духовный подъем, что, в свою очередь, создает мощную социальную энергетику. Вовлечение населения в реализацию программ развития страны значительно расширяет границы возмож-

¹⁵ Там же. С. 186.

ностей по сравнению с теми, которые дает сугубо материально-прагматический взгляд на историю и на будущее.

Глобализация приведет к прямо противоположным результатам в отношении высокоразвитых западных и незападных государств: она создает благоприятные условия для разукрупнения больших незападных государств. Рыночный фундаментализм как идеология и практическая стратегия поведения Запада принуждает национальные государства не-Запада к отказу от несамостоятельного пути развития. Но в то же время он активно побуждает отдельные этносы, группы в государствах, особенно имеющие какой-либо богатый природный ресурс (нефть, алмазы, объекты массового туризма), к выходу из государства и образованию маленького, но самостоятельного государства. При этом Запад прельщает их получением на мировом рынке значительной материальной выгоды. Такие тенденции особенно ярко стали проявляться в России в конце 90-х годов — начале XXI в.

Как о непреложном факте многие ученые говорят о появлении в будущем на мировой арене около 500 государств, при этом власть США и Западной Европы приобретет абсолютно доминирующий характер. Маленькие бессильные государства с практически колониальной демократией, управляемые и послушные, могут стать возможной перспективой развития глобального мира под жестким контролем одной сверхдержавы. Все нерыночные сферы жизни в таком случае будут переведены на рыночные рельсы, что уже сегодня приносит колоссальный ущерб науке, образованию, культуре, да и всей духовной сфере жизни многих небольших государств.

Большие государства державного типа (Россия, Китай, Иран) должны сделать выбор в пользу попытки пойти своим путем сохранения исторического наследия, но грамотно адаптируясь к новым условиям. Реформирование экономики, ее постепенное открытие внешнему миру не должны вести к изменению

основного принципа традиционного государства, для которого экономика остается средством для достижения возвышенных целей. Главное, чтобы эти цели были не придуманы идеологами, а явились выражением исторических потребностей существования и развития российского государства.

Что касается перспектив российской государственности, вопрос достаточно открытый. Современное Российское государство существует лишь второе десятилетие, являясь продуктом распада Советского Союза, на месте которого образовалось пятнадцать независимых государств. Двенадцать из них входят в достаточно эфемерное образование СНГ. Внутри СНГ отчетливо проявляются интеграционные процессы, к большинству стран-участниц приходит понимание того, что в условиях агрессивности всемирного рынка надежнее объединиться. В какой форме — вопрос времени. Возможно, это будет путь Евросоюза, но в более сжатые сроки.

С момента прихода на должность президента страны В.В. Путина¹⁶, а затем и Д. Медведева внутренне политически сильный центр власти превращается в ядро новой политической системы. Феномен чрезвычайно высокого рейтинга В. Путина позволил изменить конфигурацию политической базы нового режима и обозначить важнейшие направления реформирования страны: деавтономизация элит, восстановление субординации в элитах и модернизация элит, реинтеграция системы власти, институционализация, воспроизводство социальной базы нового режима.

С опорой на прочную политическую базу в обществе власть начинает выстраивать новые отношения с ключевыми политическими институтами и партнерами. Суть теоретического решения проблемы новой государственности состоит в том, что власть должна выстраивать автори-

¹⁶ Бизнес и государство при Путине: «новый социальный контракт». М.: ЦПТ, 2001.

тарное социальное государство, опирающееся на принцип социальной защиты граждан и, более широко, на принцип новой социальной справедливости, на основе которой либеральные реформы станут более жизнеспособными.

Один из парадоксов новой системы состоит в том, что все перемены протекают в конституционном поле, но по содержанию носят характер «институциональной революции», сохраняется институциональный и политический плюрализм. На нынешнем этапе российской трансформации проблематика «демократического транзита» все больше сливается с модернизационной. Основные векторы реконструкции государственности: этатизм (речь идет о современной версии этатизма, предусматривающей сохранение в ограниченных масштабах плюрализма и политической конкуренции, где главным ограничителем выступает состояние экономики и общества, а не авторитарное насилие власти); «партизация» системы власти (создание политической партии «доминантного» типа и создание политической системы с ограниченным плюрализмом и конкуренцией); корпоративизм (т.е. «либеральная разновидность корпоративной системы, так газываемый неокорпоративизм, предполагающая институционализацию интересов и их взаимодействие с системой власти в форме, совместимой с регулярными выборами и политической конкуренцией) и ориентация на модернизацию направлены на решение важнейшей задачи — сохранение национального государства¹⁷.

Систематическое проявление политической воли из единого и сильного центра сегодня налицо. Но процедура подготовки решений проходит в рамках «режима консультаций» (практика «нулевого чтения» в Государственной Думе и подключение элиты бизнеса к подготовке основных экономических законов), который все больше за-

мешает публичный политический процесс подготовки и принятия политических решений. Содержание, как и прежде, определяется политической торговлей между участниками. Но: Кремль стал центральным партнером, а объем политических ресурсов, находящийся в его распоряжении, неизмеримо увеличился. На авторитаризм в обычном понимании это не похоже; хотя политическая автономия участников сократилась, политическая торговля осталась. Усилилось лишь принуждение к консенсусу. Стратегия деавтономизации переплетается со стратегией кооптации. Практика показывает, что через согласования и компромиссы можно проводить целенаправленный курс преобразований — в рамках конституционного поля и сохранения институционального и политического плюрализма. Эту сторону не следует игнорировать: моноцентрический режим достаточно открыт для широкого круга интересов и сил, готовых к политическому сотрудничеству. Но их поведение регламентируется новыми правилами; все это расходится с классическими представлениями об авторитарном режиме¹⁸.

При всей неравномерности и последовательности новой истории российского государства, следует отметить, что минимальная готовность к «демократическому транзиту» все-таки была. Иначе не было бы и готовности продолжать курс реформ после прошедших лет новой истории. Но чтобы состояться и быть успешной, в российской модернизации обязательно присутствие демократической составляющей¹⁹. Предпринимаемые сегодня усилия власти в целом можно рассматривать как шаг на пути к национальному государству.

¹⁷ Неокорпоративизм в России? Государство и бизнес при Владимире Путине // Pro et Contra, февраль 2002.

¹⁸ Russian Presidential Election in 2000 and its Implications. Monthly Bulletin on Trade with Russia and East Europe. Japan association for Trade with Russia and Central — Eastern Europe, Institute for Russia and East European Economic studies, April 2000. P. 22–60.

¹⁹ Мигранян А. Россия: от хаоса к порядку? // Вся политика / под ред. В.Д. Нечаева и А.В. Филиппова. М.: Европа, 2006. С. 260–263.